

Татьяна Левина*

Реализм в метафизике: о том, что существует иначе¹

Название этой статьи явно полемизирует со знаменитой статьей Уилларда Куайна «О том, что есть», в которой предложена номиналистская критика различных концепций реализма. Сосредоточившись на современной аналитической метафизике, мы проанализируем критику Куайна и тех методов, что были выработанных в его философии.

Развитие американской аналитической метафизики в 1940-60-х гг. происходило при сильном влиянии номинализма. Онтология ограничивалась миром физических объектов и частиц, что связано с философией Куайна. Куайн задает направление исследований в духе «бритвы Оккама», то есть предлагает онтологию, избавленную от лишних объектов. Однако в метафизике ощущается необходимость расширения онтологии. В конце 60-х – 70-е гг. появляется интерес к средневековой европейской философии, и, как следствие, появляется большое количество реалистских теорий (либо номиналистские теории становятся не столь бескомпромиссными). Появляются исследования абстрактных и несуществующих объектов, универсалий, возможных миров, связанные с именами Дэвида Льюиса, Дэвида Армстронга, Теренса Парсонса. Происходит расширение онтологического поля для аналитических философов.

В 2000-х годах куайновская критика кажется слишком радикальной. Реабилитация возможных миров, универсалий и несуществующих объектов повлекла за собой постановку других вопросов. Например, «однородности», или гомогенности онтологии. Существуют ли объекты нашего мира гомогенно, или есть различные по статусам онтологические объекты? Эти вопросы поднимают Шаффер в рассуждениях о фундаментальности и МакДэниэл о гетерогенности

* Об авторе: Левина Татьяна Владимировна, к. филос. н., доцент кафедры практической философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

1 Статья выполнена в рамках Индивидуального исследовательского проекта № 10-01-0097 «Метафизические проблемы в абстрактном искусстве и аналитической философии» при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

объектов онтологии.

Как «возможные миры» и «универсалии» выводили аналитических философов к средневековой философии, так «фундаментальные основания» выводят к изучению Аристотеля. Кроме того, намеченная тенденция «к ренессансу» охватывает также и стратегии платонизма, которые выражаются, например, в неофрегеанстве.

Цель нашего анализа – проследить весь обозначенный путь и остановиться на ренессансе платонизма, оставив вопрос открытым для будущего исследования, посвященного платонизму в аналитической метафизике.

1. Введение. Преодоление метафизики мейнстрима

Аналитическая философия в целом держалась в стороне от европейской философии, вырабатывая особенности своего философского метода, который отличит ее от всех остальных направлений. Однако еще в 70-е гг. наметился новый курс собственно аналитической работы с понятиями континентальной философии, который привел к тому, что многие аналитические философы сегодня в той или иной степени возвратились к работе с текстами классиков. В аналитической метафизике происходит реформация – философы расширяют возможности применения их метода, попутно избавляясь от догматов середины прошлого века. Эта реформация связана с определенным ренессансом – интересом к классическим проблемам в аналитической философии сегодня.

Аналитические философы, с трудом преодолев витгенштейновскую максиму не обращаться к другим проблемам философии и развиваться, основываясь исключительно на выработанных «в себе» принципах, стали все чаще думать о том, чем же в действительности занимались Платон, Аристотель, Ансельм и прочие философы из глубины веков. При этом, возрождение классических проблем выглядит не просто как борьба «за чистоту искусства» (точнее, аргумента), а действительно как желание разобраться в том, что же является настоящей целью философии и на что стоит тратить время.

Во вступительной статье недавно вышедшего сборника «Метаметафизика: новые размышления об основах онтологии»² Дэвид Мэнли описывает сегодняшнее положение в аналитической философии как борьбу с мейнстримом. Мейнстримный, то есть наиболее распространенный, стиль философствования, связан с именем Уилларда

2 Manley D. Introduction: A Guided Tour of Metametaphysics // *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology* / Ed. by David Chalmers et al. – Oxford, 2009

Куайна, в 1950-х годах изменившего местоположение современной философии. О ранних волнах критики куайновской философии мы будем говорить позже, здесь же расскажем об основных проблемах из перспективы «нулевых».

Мэнли определяет стратегию исследований основ метафизики: «Метаметафизика связана с исследованием основ метафизики. Она задается вопросами: правда ли у метафизических вопросов есть ответы? Если да, то субстантивны ли они или просто зависят от словоупотребления? Каким путем достичь ответов – с помощью здравого смысла и концептуального анализа?»³. Собственно, почему вдруг эти вопросы встали перед аналитической философией, ведь благодаря «квазинаучной» философии Куайна была нарисована идиллическая картина? Мэнли перечисляет постулаты сформированной теории, принимаемой большинством аналитических философов, которые способствовали, по их мнению, достижению результата в философии: (1) Дефляционная теория истины; (2) Терминологический спор; (3) Обращение к здравому смыслу, тривиальные примеры; (4) Ограниченный квантор; (5) Обязательства перед сообществом.

Согласно дефляционной теории истины, утверждать, что высказывание истинно – это просто утверждать данное высказывание. Например, высказывание «снег бел» истинно само по себе, без отнесения его к какой-либо ситуации реальности⁴. Таким образом, исследования дефляционистов не имеют своей целью обнаружение реальности. Необходимость выявления реальности часто по-наивному отвергается, со ссылкой на интуитивную ясность того, что она существует. Из чего и следует, что: «Большинство современных метафизиков думают, что их работа связана не столько с репрезентацией языка и мыслей, но с репрезентированной реальностью»⁵. Такой тип философии, квазинаучный, Мэнли связывает со взглядами Уилларда Куайна и Дэвида Льюиса и называет ее *mainstream metaphysics*.

Продолжая критику мейнстрима в аналитической метафизике, следующей своей целью Мэнли выбирает принцип терминологического спора. Спор о терминах (*verbal disputes*) – это обязательный шаг в выстраивании аналитической аргументации, которая диктуется научными идеалами аналитической философии. Это значит, что философ должен

3 Manley D. Introduction. – p. 1.

4 Stoljar D. The Deflationary Theory of Truth // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/truth-deflationary/>

5 Manley D. Op. cit. – p.7.

обсудить терминологию со своими коллегами по аналитическому цеху, чтобы избавиться от всех смысловых разночтений в отношении этого содержания. Однако, считает Мэнли, терминологические споры часто только вводят в заблуждение. Например, спор кажется спором о словах, когда участники думают, что они расходятся в употреблении термина, на самом же деле они просто имеют в виду разные вещи под одним и тем же словом. Вот, например, разговор между английским и американским ребенком:

Джон: Футбольные мячи круглые и обычно черно-белые

Тед: Нет, на футбольном мяче две точки и они коричневые.

Здесь видно, что проблема диспутантов не в том, что они не соглашаются относительно одного и того же термина, а в том, что они «говорят с самими собой», поскольку подразумевают под словом «футбольный мяч» две совершенно разные вещи. Джон разговаривает на «британском английском», а Тед – на «американском английском». Если бы говорившие знали об этой разнице, они бы просто остановили спор.

Такие тривиальные примеры, как приведенный, иллюстрируют стремление аналитической философии к простоте и ясности. Но как уже было показано, и тривиальные примеры оставляют много трудностей. Так стоит ли на них опираться, спрашивает Мэнли? Что же касается принятых в качестве постулата обязательств (commitments) перед философским сообществом, то они означают постоянную опору на принятые в сообществе правила аргументации, использования терминологии, доказательств и проч., однако проблем не становится меньше, утверждает критик мейнстрима.

Следующий куайновский постулат аналитической философии – квантификация. Он означает, что все существующее описывается через понятие неограниченной квантификации. Соответственно, поскольку существование было у Куайна предикатом, то все несуществующие вещи аккуратно изгонялись из его онтологии. Таким образом, основой онтологии стала неограниченная квантификация. Реформацией в метафизике Мэнли называет предложение Криса МакДэниела снова поднять фундаментальные вопросы бытия, чтобы, ссылаясь на онтологию Хайдеггера, описывать «фундаментальность» ограниченным квантором некоторой области фундаментальных свойств⁶. Это мы и связываем с

6 McDaniel K. Ways of Being // Metametaphysics. – p. 290-319.

ренессансом в аналитической метафизике, первая волна которого началась в 70-80 годах. В связи с интересом некоторых американских исследователей к средневековой философии, влияние квазинаучных тенденций стало ослабевать, поскольку перестало быть релевантным. Самозамкнутость аналитической философии на себя стала уступать место интересу к интерпретациям классической философии. Аналитические философы принялись за чтение средневековых схоластов, свидетельствуя о появившейся толерантности в отношении континентальной философии. Правда, это не помешало нескольким философам, и в их числе Уиллард Куайн, Рут Баркан-Маркус, Дэвид Армстронг, написать письмо протеста по поводу награждения постструктуралиста Жака Деррида званием Почетного Доктора Кембриджского университета в 1992 году⁷.

Несмотря на недоразумения относительно предмета и метода философии, Элвин Плантинга написал собственную интерпретацию онтологического доказательства бытия Бога Ансельма, Дэвид Армстронг обратился к теме раннего Рассела об универсалиях, а Дэвид Льюис создал теорию возможных миров, которая возвратила к жизни вопросы, поставленные еще Лейбницем и даже Эмпедоклом. Кроме того, в 80-е годы начали обсуждаться темы несуществующих и абстрактных объектов, связанные с Алексиусом Майнонгом и Готтлобом Фреге соответственно. Мы рассмотрим обозначенные теории с целью показать, что подготовило «реформацию в метафизике».

2. Возможные миры

Проблема онтологии возможных миров возникает в аналитической философии еще в конце 1960-х годов со статей Дэвида Льюиса относительно контрфактуальных высказываний в модальной логике, однако семантику возможных миров разработали Рут Баркан-Маркус и Сол Крипке еще раньше. Теорию возможных миров Льюис назвал «модальным реализмом», из-за чего стала происходить путаница, так как он не являлся реалистом в общем смысле слова, а, скорее, «мягким» номиналистом. Его реализм – это реализм «по области модальностей», или признание существования возможных миров. Фактически, Льюис предлагает расширить онтологию, предложенную Куайном. У Куайна онтология задается только единственным миром физических объектов. Крипке, в свою очередь, использует понятие «возможных миров» в

7 From Professor Barry Smith and others // The Times (London). Saturday, May 9, 1992. URL: <http://courses.nus.edu.sg/course/elljwp/againstdsdegree.htm>

логической семантике. А Льюис, основываясь на ней, предлагает новую онтологию.

Онтология Льюиса основана на допущении, что может существовать бесконечное количество миров, которые для нас в этом мире полагаются «возможными». В этих мирах – свой набор предметов и свойств, которые могут напоминать наши. Яркий пример, который использует Льюис в поддержку своего тезиса: представим Хьюберта Хамфри, который в нашем мире проиграл президентские выборы, а в некотором возможном мире – выиграл⁸. Этот пример интересен тем, что он показывает логику размышлений Льюиса: в каждом возможном мире – определенный набор предметов, однако, эти предметы могут отличаться друг от друга в каких-то свойствах, сохраняя при этом известные нам свойства. Льюис называет это «проблемой случайных свойств» – двойник Хамфри в возможном мире может отличаться от прототипа в любом из свойств.

Согласно общему рассмотрению, Хамфри соответствует выражению «необходимо, что x человек, если и только если не существует такого случая для какого-либо мира W , в котором есть двойник Хамфри в W и двойник удовлетворяет условию « x не является человеком в W », а именно, если и только если не существует двойника Хамфри в любом возможном мире, удовлетворяющего условию « x не является человеком»⁹.

Онтологический статус возможных миров равен друг другу; если мир возможен, то он существует (в модальности «возможно»). Льюис определяет модальность *de re* как квантификацию по области возможных индивидов:

Согласно простому описанию, в этом случае [кванторы] будут также кванторами по области миров. Но это рождает вопрос. Начнем с того, что является частью этого мира, Хьюберт Хамфри, например. Он мог бы выиграть президентские выборы, но не выиграл, следовательно, он соответствует модальной формуле «возможно x выиграл», но не формуле « x выиграл». Использование ромба «возможно» как квантора по области миров

8 Хьюберт Хамфри (38 вице-президент США 1965-1969), проигравший в выборах на пост Президента США Ричарду Никсону в 1968 году.

9 Lewis D. *On the Plurality of Worlds*. – Oxford, 1986. p.10

(скорее всего, ограниченного, но давайте это опустим) означает что есть какой-то мир W , такой, что в W он удовлетворяет условию « x выиграл»¹⁰.

При этом Льюис утверждает именно самостоятельное существование миров, независимых друг от друга. Льюис запрещает описывать их как пересекающиеся миры – иначе совершенно неясно, где начинается один и заканчивается другой. Миры не могут соотноситься как «часть и целое», так как в этом случае они не равны друг другу. Третья ошибка, о которой предупреждает Льюис – это стремление по-платоновски расположить «мир в мире», иначе придется объяснять каузальную зависимость. Миры каузально независимы друг от друга и не могут друг на друга влиять. Они как далекие планеты, говорит Льюис.

Теория возможных миров является новой интерпретацией проблемы «наилучшего из возможных миров» Лейбница (к которому Льюис, как он утверждает, не обращался). У Лейбница возможные миры – репрезентация размышлений Бога, выбирающего из всех возможных миров (поссибилий) и остановившегося на решении в пользу нашего, актуального, мира. Бог выбирает – актуализирует – наш мир потому, что он «лучший из возможных», тот мир, в котором сочетание добра гармонизирует с существованием зла, а зло – минимально и существует по необходимости (например, для понимания добра)¹¹. Однако, у Лейбница есть последователи в аналитической метафизике – актуалисты¹². Возможные миры в интерпретации главного представителя актуализма Элвина Плантинги¹³ существуют, но в отличном от настоящего модусе реальности. Они «лишь» возможны. Как только Бог «выбирает» актуальный мир – возможные миры лишаются равного онтологического статуса. Онтологический статус остается только у актуального мира. В отличие от акциденталиста Льюиса, уравнивающего все свойства в предмете, Плантинга – эссенциалист:

10 Lewis D. Op. cit. – p.9

11 Лейбниц Г. В. Опыт теодицеи о благодати Божией... // Лейбниц Г. В. Сочинения в 4-х тт. Т. 4. – М., 1989. Также см.: Крючкова С. Е. Проблема возможных миров в философии Лейбница // Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика / Отв. ред. Драгалина-Черная Е. Г. – М., 2011.

12 Menzel C. Actualism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/actualism/>

13 Также см.: Горбатова Ю. В. Плантинга о возможных мирах и всемогуществе // Возможные миры.

Согласно Куайну, эссенциализм это доктрина, в которой некоторые атрибуты вещи (совершенно независимо от языка, посредством которого вещь референтна) могут быть эссенциальны по отношению к вещи, а другие – акцидентальны¹⁴. Я согласен с этой точкой зрения. Когда эссенциалист говорит о каком-то x , что оно имеет конкретное свойство P эссенциально, он обозначает предикцию свойства x – свойства, отдельного от P . Для любого свойства P существует свойство обладать P эссенциально, и если x обладает P эссенциально, тогда x обладает свойством P эссенциально¹⁵.

3. Универсалии

Возможности модальной логики существенно обогатили онтологию аналитической философии к 1980-м годам. Более того, обращение Плантинги, Льюиса и других философов к проблемам средневековой философии (например, к Ансельму) заставило других философов выйти за пределы аналитической философии, снова возвратиться к темам раннего Рассела. Одной из таких тем стала проблема универсалий. В 1980-е выходило несколько сборников и монографий на эту тему, но наиболее значительной теорией осталась теория универсалий как «положений дел»¹⁶.

Дэвид Армстронг, учитывая свою номиналистскую «закваску», как и Куайн, борется с наследием Платона. Он высказывается против «трансцендентных универсалий», универсалий до вещей (*universalia ante res*), а точнее, против неэкземплифицируемых универсалий (что позволяет в платоновском мире Идей). Армстронга не устраивает ситуация, когда доказывается наличие (в каком-то смысле) чего-то несуществующего, например, единорога или кентавра. Платоновская защита неэкземплифицируемых универсалий в изложении Армстронга такова: слово «единорог» есть, а экземплификации (то есть находимого в реальности единорога) существовать не обязательно. Следовательно, такие универсалии существуют. Этот аргумент Армстронг называет «аргументом значения». Он основан на допущении, что если имеется некоторое значение, то его существование является доказательством наличия предмета в реальности, который конституирует это значение.

Не соглашаясь с Платоном, Армстронг разбирает и «аргумент

14 Также эти термины можно перевести как «существенны» и «случайны» соответственно

15 Plantinga A. The Nature of Necessity. – Oxford, 1974. – p.15.

16 Armstrong D. Universals: An Opinionated Introduction. – Boulder, 1989.

идеального». Платон утверждает, что ничто не идеально в мире, никто идеально не справедлив и т. д. Мы сравниваем обычные предметы с Формами (в русском переводе, конечно, Идеями), которые не могут быть полностью экземплифицированы предметами. Платоновский мир – это иерархия объектов, где наивысшая полнота недостижима. Армстронг противопоставляет «убийственный» для философии Платона аргумент: совершенный (идеальный) круг или линию можно нарисовать и в опытном мире. На самом деле, эта наивная (с позиций классической философии) аргументация должна быть проанализирована полнее, так как в борьбе против платоновских идей Армстронг напоминает Дон Кихота, или, точнее, он борется с представлением о Платоне, которое было воспринято аналитической философией, и ошибочных мнений о его философии не счесть. Однако критика универсалий без экземплификаций проливает свет на собственную концепцию Армстронга. А реабилитацией Платона мы займемся чуть позже.

Армстронг предлагает «спустить универсалии с небес на землю», то есть принимает аристотелевское понимание универсалий – «в вещах» (*universalia in rebus*). Этот взгляд означает, что, утверждая существование отдельных от вещей универсалий, Армстронг «проецирует» их все-таки из набора конкретных вещей, имеющих тождественное свойство. Универсалии, говорит философ, легче всего объяснить в терминах семейного сходства, предложенного Витгенштейном. Конкретные виды игр сильно отличаются друг от друга, но есть определенное свойство, соединяющее всех их под эгидой термина «игра». Таким образом, он отвергает *a priori* реализм в угоду *a posteriori* реализма, это значит, что, по его мнению, существование универсалий доказуемо не из семантических данных, а из реального мира – например, из мира физических данных, которые он называет «фундаментальными» (как, впрочем, и Куайн). Для Армстронга такие свойства как масса, заряд, длительность, протяженность и пр., являются настоящими (истинными) одноместными (*monadic*) универсалиями, экземплифицированными в вещах реального мира. Пространственно-временные и каузальные отношения, следовательно, будут истинными множественными универсалиями.

Каузальные отношения как раз служат отправной точкой для перехода к его собственной теории положений вещей. Он заостряет внимание на связи между универсалиями и партикуляриями:

Представьте, что a это F , где F – универсалия, или что у a есть R к

b , где R – универсалия. Очевидно, что мы обязаны распознавать бытие F у a и отношение R у a к b в нашей онтологии. Я буду говорить об этих элементах как о *положениях вещей*. Другие называют их фактами¹⁷.

Получается, что мы должны распознавать не только партикулярии и универсалии, но и отношения между ними, то есть те способы, какими универсалия представлена в партикулярии. Следовательно, свойства – это способы, которыми вещи проявляются в мире. Отношения – это способы, которые «относят» вещи друг к другу.

4. Несуществующие объекты

Продолжая рассмотрение проблем классического характера в аналитической философии, необходимо отметить, что не все аналитические философы отвергали существование несуществующих объектов, например, единорогов или кентавров. Были и такие, которые нашли способ рассуждения не только о возможных объектах, но и о несуществующих объектах. В 1980 году вышла книга Теренса Парсонса «Несуществующие объекты». В предисловии к своей книге автор ссылается на концепцию «научных революций» Томаса Куна, и пророчит возрождение интереса к несуществующим объектам в аналитической философии. Интерес к таким объектам развивается медленно, привлекая немногих апологетов несуществования (например, Томаса Хофвебера¹⁸) и сторонников абстракций (например, Эдварда Зальту¹⁹).

Эта сложная и противоречивая для аналитической философии тема не поднималась долгое время. Всею виной – спор Алексиуса Майнонга и Бертрана Рассела, в котором, как полагает большинство аналитических философов, Рассел победил. Суть его аргументации сводится к тому, что таких воображаемых объектов, как «круглый квадрат» или «золотая гора» не просто не существует, – они являются логической ошибкой, поскольку объект не может одновременно существовать и не существовать. Аргумент Майнонга в защиту несуществующих объектов состоял в том, что золотая гора существует в своем *вот-бытии* и не существует в *бытии*. То есть будучи соотнесенной с областью объектов реальности, мы не найдем в ней «золотой горы».

17 Armstrong D. Universals. – p. 203. В качестве «другого» имеется в виду Витгенштейн.

18 Empty Names, Fiction and the Puzzles of Non-Existence / Ed. by Hofweber T., Everett A. – Stanford, 2000.

19 Zalta E. Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics. – Dordrecht, 1983

Рассел ответил, что не видит разницы между «бытием существующей» и «существованием». Таким образом, в англо-американской аналитической философии за «несуществующим» закрепилось значение «ложной проблемы». Парсонс рассматривает конкретный пример. Когда студентов просят выразить языком логики предикатов следующие предложения:

- (a) Столы существуют
- (b) Здесь столы,

преподаватель ожидает одинаковую для обеих предложений символизацию, а именно:

- (c) $E(x)T(x)$ ²⁰

Парсонс предлагает еще один пример. Пусть нам нужно сказать:

- (d) Крылатые кони есть, – например, Пегас.

и

- (e) Крылатых коней нет.

Когда мы говорим (e) мы имеем в виду, что нет *реальных* крылатых коней, и (e) обычно символизируется с использованием квантора, который читается «существует». В результате возникает путаница, которую многие философы просто игнорируют, предпочитая вообще не поднимать вопрос «несуществования», игнорируя несуществующие объекты как лежащие за пределами логики.

Для того, чтобы показать, что путем игнорирования проблема не решается, Парсонс предлагает совершить каноническую вещь: составить список всех свойств вещей (гипотетически, можно перечислить свойства вещей большим списком, это традиционная для мейнстримной метафизики процедура). Соответственно, у нас будет такой список свойств выражения «существует золотая гора»:

1. быть золотой,

20 Parsons T. Nonexistent Objects. – New Haven, 1980. – p. 6. В оригинале: Tables exists, There are tables.

2. быть горой,
3. существовать.

Мы перечислили свойства несуществующего объекта, но ведь гора *не существует!* Тогда Парсонс предлагает разделить свойства следующим образом:

Атомарные предикаты:

«быть голубым», «быть высоким», «быть горой», «быть золотой»

Из этого видно, что свойство «существовать» будет особым свойством:

Субатомарные предикаты:

Онтологические: «существует», «мифический»

Модальный: «возможен», «невозможен»

Интенциональный: «продуманный Майнонгом», «захваченный кем-то»

И т. д.

Из примера мы видим, что существование или несуществование будет относиться к субатомарным предикатам. Из него становится яснее, что имел в виду Майнонг, разделяя свою онтологию на «бытие» и «вот-бытие», а так же то, что не понимал Рассел в разнице между «бытием существующим» и «существованием». Безусловно, Рассел пытался отойти от платонизма в онтологии, настаивая на гомогенных одноуровневых элементах. Парсонс же пытается доказать, что одноуровневой онтологии для описания мира не достаточно. Следующим шагом Парсонс доказывает в особом смысле существование несуществующих объектов на основании отношения референции несуществующего объекта к значению, которое существует в языке. Таким образом, Парсонс вновь возвращает иерархичность бытия в аналитическую метафизику, ссылаясь, при этом, на Фреге. Мы разберем эту проблему далее.

5. Фундаментальные основания

По ходу возникающих проблем видно, как происходило возвращение к оригинальным, классическим задачам метафизики. Джонатан Шаффер в своей недавней работе «О том, что является основой» делает онтологию

Куайна предметом своей критики: он говорит, что задачи метафизики были поняты Куайном очень однобоко: он стал описывать то, *что* есть, составляя список существующего. Шаффер возвращает нас к классическим проблемам, поставленным Аристотелем, который стремился объяснить *фундамент* существующего, то есть решить вопрос: *как* это «что» существует. Анализ не ограничивался у Аристотеля имманентной реальностью существующего, а был нацелен на понимание того, как же эта имманентность вообще имеет место быть²¹. Через много лет, Тарский будет заниматься проблемой метаязыка, а Патнем – упрекать его за возвращение к двоemiрию²². Кстати, многие аналитические философы верят, что Аристотель ограничивался исследованием имманентной реальности, т. е. реальностью в куайновском смысле физической реальности, что во время квантовой механики кажется невероятно устаревшим.

Чем должна быть эта структура существующего? И тут Шаффер привлекает в союзники Дэвида Люиса:

Люис призывает обратиться к понятию «натуральности», рассматривая свойства: «Некоторое ограниченное число свойств полностью натуральны. Остальные, даже если они могут быть в каком-то смысле... внешними, также являются натуральными, по крайней мере, в производном смысле». В аристотелевских терминах, Люис предлагает иерархически выстроенную структуру, хоть и ограниченную свойствами²³.

Таким образом, Шаффер снова предлагает возвратиться к иерархическому построению мира. И это предложение появляется после, по меньшей мере, полувека попыток мейнстримной философии задать такую структуру, где все составляющие были бы равны и объяснялись в терминах гомогенного физического мира. Получается, что Шаффер пытается преодолеть требование Бертрана Рассела, заключавшееся в необходимости построения *эгалитарной* метафизики, в которой объекты должны быть равны друг другу, ибо иерархичность онтологии ведет нас к

21 Shaffer J. On What Grounds What // Metametaphysics. – pp.350-352.

22 Патнем Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология / Общ. ред. и сост. А. Ф.Грязнова. – М., 1998. – С. 476. В данном случае имеется в виду греческая классика, а не конкретный Аристотель или Платон.

23 Shaffer J. Op. cit. – p.353.

мистицизму²⁴. Именно по этому основанию предложение Шаффера критикует Томас Хофвебер:

[М]енее популярная версия эзотерической метафизики разделяет представление, что она является тем, что *в конечном счете*, или *метафизически*, или *фундаментально* имеет место быть. Более популярная версия представляет метафизическое главенство базовым. Это направление поддерживает мысль, что определенные вещи или факты являются основными, фундаментальными или первичными, в метафизическом смысле, в сравнении с остальными²⁵.

Хофвебер задается вопросом, на какое же место в современной философии претендует метафизика? Например, за годы апелляции философов (в том числе Куайна, Армстронга) к физике, возник вопрос – в чем же предмет метафизики? Нужна ли она? И многие философы включились в этот конкурс. Томас Хофвебер занимается оправданием существования метафизики, ищет для нее место и находит ее предмет, обращаясь к примерам из философии математики. Например, математики, пишет он, не задаются вопросами «существует ли число», а просто используют числа в построении математических теорий. Из философии математики в метафизику (от Фреге) перекочевала теория чисел как абстрактных объектов. Многие аналитические философы скрестили шпаги на дуэли, защищая свою уверенность в том, что числа существуют, или доказывая, что не существуют. Потому, с точки зрения Хофвебера, проблема чисел – это хороший пример, показывающий, почему метафизика существует и отчего может по праву претендовать на собственный уголок в академическом мире²⁶. Итак, дело метафизики – задавать предельные (по отношению к какой-либо области знания!) вопросы и выстраивать аргументированные ответы. Однако, с точки зрения Хофвебера, амбиции метафизики, все же, должны быть скромными.

И все же, аналитическая метафизика действительно возвращается к классике. Лейбниц, Платон, Аристотель, Ансельм – это далеко не полный список философов, к которым обращаются аналитики. Были

24 Рассел Б. Проблемы философии // Рассел Б. Избранные труды. – Новосибирск, 2007. – С. 82.

25 Hofweber T. Ambitious, Yet Modest, Metaphysics // Metametaphysics. – pp. 268-269.

26 Ibid. – p.284.

также недавние попытки обращения к Хайдеггеру²⁷. Но читать Хайдеггера и Платона – это действительно «грызть гранит науки», поскольку должен быть осуществлен адекватный перевод их терминов и соответствующих значений на язык аналитической философии. Это представляется продуктивным, поскольку налицо непонимание «платоновской линии философии».

6. «Борода Платона»

Одна из трудностей восприятия текстов Платона – это проблема перевода термина «идея». Очень часто «идею» Платона путают с идеей как ментальным образом, поскольку именно это значение сопоставляется данному термину в русском языке. В конечном итоге выходит, что «идею» часто понимают как трансцендентальную сущность, но не как трансцендентную. В английском языке, правда, другая проблема. Для того, чтобы не путать платоновскую «идею» с метальным образом, в английском языке этот термин переведен как «форма». Этот перевод, в свою очередь, создает другие трудности: «форма» связывается с материальными характеристиками вещи. Поэтому ради научной истины философы вынуждены комментировать, что «форма» существует вне пространства и вне времени²⁸ с одной стороны, а с другой представляет свойства вещей и событий как таковые (например, справедливость на примере конкретного факта – понятие справедливости как таковое). В русском языке «мир идей» Платона объясняется через понятие «идеальности»: конкретная сфера в материальном мире и идеальная сфера в мире идей. Следовательно, мир идей может быть понят через термин «идеальное» лучше, чем через «идею» или «форму», которые нас запутывают. Мы вернемся к этому, как кажется, банальному, замечанию позже.

В статье «О том, что есть»²⁹ Уиллард Куайн критикует философов, чей удел – быть «платонистами», защищая абстрактные объекты, универсалии, возможные миры или несуществующие объекты. Он последовательно критикует их концепции, разбивая аргументацию. Для начала он разбирает пример с Пегасом. Гипотетический философ МакХ, устами которого проговаривается так называемый «аргумент от

27 McDaniel K. Ways of Being // *Metametaphysics*. – pp. 290-319.

28 Balaguer M. Platonism in Metaphysics // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/platonism/>

29 Куайн У. В. О. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. – М., 2010. – Сс. 21-44.

значения» считает, что Пегас *есть*. Если бы его не было – было бы не о чем говорить, и, раз мы используем Пегаса, значит он существует. Куайн, дискредитируя, по его мнению, данный аргумент, просит найти Пегаса как *существо* – в плоти и крови. По-видимому, отсылка к материальной реальности обладает для Куайна непререкаемым значением, и его воображаемый собеседник отступает³⁰. Однако платонист в примере Куайна предъявляет аргумент «идеи в сознании», который Куайн разбивает также, ссылаясь на различие ментальной идеи и вещи. Далее в своем примере Куайн критикует другого гипотетического платониста, Вимена, служащего прообразом «актуалистов», который предлагает рассматривать Пегаса как существо, не существующее в действительности, но существующее в возможности³¹. Расправившись и с этим, Куайн размышляет, как разбить утверждение Вимена «существование – это одно, а бытие – другое», и приходит к выводу, что нужно просто лишить понятие «существования» значимости, подставив вместо него «есть». Но остаются универсалии! Как быть с ними? И тогда он предлагает гениальный способ: разбить на корню идеальные сущности понятием связанная переменная. Быть, говорит Куайн, значит быть значением квантифицированной переменной. А квантор, как раз, это то, что способно взять на себя определенные онтологические обязательства (в отличие от универсалий, несуществующих объектов и т. п.) – он «отвечает» за объекты, существующие в реальности, то есть он пробегает по всей области существующих вещей. А то, что не входит в область существующих вещей – не только не существует, но и не является предметом интереса философа. В общем, Куайн «спас» философию от абстрактных сущностей, и распутал, по его мнению, «бороду Платона».

На самом же деле, Куайн воспользовался кантовским пониманием значения «существования». В «Критике чистого разума» Кант критикует возможность создания онтологического доказательства бытия Бога:

Ясно, что бытие не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи. Оно есть только полагание вещи или некоторых определений само по себе. В логическом применении оно есть лишь связка в суждении. Положение Бог есть всемогущее [существо] содержит в себе два понятия, имеющие свои объекты: Бог и всемогущество; словечко есть не составляет

30 Там же. – С. 22.

31 Там же. – С. 23.

здесь дополнительного предиката, а есть лишь то, что предикат полагает по отношению к субъекту³².

Итак, по Канту, существование не является значимым в онтологическом смысле, а только в логическом. Следовательно, воображаемые, возможные, несуществующие, абстрактные объекты после Канта получили возможность мыслиться только относительно вещей в реальности, как бы легитимирующих их. Сто талеров в моем представлении, говорит Кант, ничего не прибавляют к реальным ста талерам в моем кармане. Именно на его мысль опираются все философы, отвергающие нереальные (не имеющие отношения к порядку вещей) объекты. Существование приравнивается к бытию реальным, а, следовательно, не является чем-то другим, отличным от самой реальности, предметом анализа. Это оказывается очень серьезной преградой как для развития «всякой будущей метафизики», а также других дисциплин, ограничивая рассуждения реальностью, могущей быть познанной. Это и позволяет впоследствии Куайну дать квантификации столь важное онтологическое значение.

Помимо Куайна, реалист Хилари Патнем также боролся с наследием платонизма. В работе «Реализм с человеческим лицом» он хотел выразить реалистскую позицию в посткантовском смысле. Объектом его критики стало понятие «Божественного Видения», с которым боролся и Кант, обращая внимание на познавательную ограниченность мира. Патнем критикует теорию метаязыка Тарского, который построил иерархию метаязыковых уровней в связи с тем, что язык изнутри системы языка понять невозможно: для того, чтобы говорить о языке нужен наблюдатель (который и занимает метаязыковую позицию). Патнем называет теорию Тарского «Возвращением Божественного Видения» и критикует за ее недостижимость в современной науке³³.

Для Дэвида Армстронга, номиналиста, хоть и мягкого, идея трансцендентного взгляда также невыносима. Являясь, как мы уже выяснили, защитником универсалий, он в то же время критикует трансцендентные – платоновские – универсалии. Сначала он критикует аргумент «единого над многим» у Платона: «для каждого множества

32 Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч. в 8-ми тт. Т.3. – М., 1994. – С. 452 (курсив мой – Т. Л.).

33 Патнем Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. – М., 1998. – С. 466-494.

вещей, обозначаемых одним именем, мы обычно устанавливаем только один вид»³⁴, указывая на то, что платоновский аргумент означает, что «одинаковость имени требует одинаковости природы поименованных вещей»³⁵, и имеет целью доказать, что имя указывает на существование мира Идей. Куайн также упоминал этот аргумент, точнее его разновидность, аргумент «от значения». Конечно, для Армстронга такая причинно-следственная связь (имя – Идея) неубедительна. Далее Армстронг говорит о том, что идеи существуют сами по себе, и представляют нечто идеальное, что не может повторить никакая вещь в мире. Ссылаясь на Ньютоновскую физику, он иронизирует на тему идеальных и запредельных миру Идей, поскольку в терминах Ньютона тела, на которые не действуют никакие силы, попросту не существуют³⁶. И после этого Армстронг «расправляется» с понятиями принадлежности и имитации в диалоге «Парменид»: вещи имеют отношение, принадлежат идее, и если так, то какую часть идеи занимает конкретная вещь, вопрошает Армстронг. Имитировать идею в виде вещи – как это понимать? – спрашивает он. Вот хамелеон – тот да, имитирует среду вокруг себя, меняя цвета своего окраса, а что в этом смысле делает вещь?

7. Платонизм

Однако, был философ в аналитической традиции, который создал, по мнению многих специалистов, «платонистскую концепцию» – это Готтлоб Фреге. Он, конечно, не принимал кантовской критики онтологического аргумента: с точки зрения Фреге, существование не является свойством индивидов, оно есть свойство понятий. В статье «Мысль. Логическое исследование» Фреге пишет:

[М]ысли – это не вещи внешнего мира, не представления.

Надо признать третий мир (Reich). То, что к нему принадлежит, совпадает с представлениями о том, что оно не может восприниматься с помощью органов чувств, а с вещами – в том, что оно не нуждается ни в каком носителе, сознанию которого оно принадлежало бы. Так, например, мысль, которую мы высказываем в теореме Пифагора, истинна вне всякого времени и не зависит от того, считает ли кто-нибудь ее истинной. Она не требует носителя. Она не стала истинной только после

34 Платон. Государство // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т 3. – М., 1994. – С. 390.

35 Armstrong D. M. Universals and Scientific Realism. I. – Cambridge, 1978. – p. 65.

36 Ibid.

того, как была открыта – подобно планете, находившейся во взаимодействии с другими планетами еще до того, как кто-либо ее увидел. <...> Мы видим некую вещь, мы имеем какое-то представление, мы формулируем определенную мысль или обдумываем ее. *Формулируя или обдумывая мысль, мы ее не создаем, а вступаем с ней, существовавшей до этого, в некое отношение*, которое отлично от отношения зрительного восприятия вещи и от отношения обладания представлением³⁷.

Эта обширная цитата была приведена для того, чтобы сравнить ее с «миром универсалий» Бертрانا Рассела, который излагал фрегевские и платоновские идеи. Рассел разбирает понятие «справедливость» у Платона. Если мы спросим, что такое справедливость, то нам приведут разные примеры конкретного проявления справедливости в обществе. Есть ли у них нечто общее? Да, общее есть – идея «справедливости»:

Эта общая природа, благодаря которой все эти случаи считаются справедливыми, и будет самой справедливостью, чистой сущностью, смещение которой с фактами обыденной жизни и порождает многочисленные случаи проявления справедливости³⁸.

Общие понятия, существующие сверхчувственно, в средневековье получили название «универсалий». Рассел пользуется примером «белизны» и «треугольности», рассуждая о них. Он говорит о том, что раньше под универсалиями понимались только качества. Но отношения также могут быть универсалиями, например: «Эдинбург севернее Лондона», где «севернее» – это двухместное отношение, которое будет существовать независимо от нас и наших мыслей и об Эдинбурге, и о Лондоне. Это отношение можно также проверить на других городах. Есть ли затруднения у этого подхода? Да. Рассел пишет: «отношение «к северу от» не существует в том же самом смысле, в каком существуют Эдинбург и Лондон. Если мы спросим, где и когда существует это отношение, ответ может быть таким: нигде и никогда. Нет такого места или времени, где мы могли бы найти отношение «к северу от». Оно существует в Эдинбурге не в большей степени, чем в Лондоне, потому что оно соотносит их и является нейтральным, находясь между ними»³⁹. И тем не

37 Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М., 2000. – С. 335 (курсив мой – Т. Л.).

38 Рассел Б. Проблемы философии. – Новосибирск, 2001. – С. 82.

39 Там же. – С. 86.

менее, Рассел настаивает, что универсалии – не ментальные идеи, они существуют также, как существует бытие. Помимо Рассела, можно также упомянуть и Людвиг Витгенштейна, который предлагал идею «семейного сходства»⁴⁰, напоминающую универсалии, на примере различных игр. Этот пример использовал Армстронг в собственном доказательстве универсалий как «положений дел».

Однако, несмотря на защиту платонизма в «Проблемах философии», Рассел впоследствии платонизм критиковал. Что же заставило сегодняшних аналитических философов обращаться к хитросплетениям этого глобального философского направления? Поскольку Хайдеггера можно отнести к этому направлению, посмотрим, в чем же интерес аналитических философов, исследующих Хайдеггера?

В статье «Способы бытия» Крис МакДэниел⁴¹ пытается описать существование бытия иначе, чем это делали его коллеги. Он понял, что в терминах эгалитарной метафизики, которой доверяли Рассел, Куайн, Хофвебер среди примеров, к которым мы обращались, многообразие бытия описать невозможно. Для описания разнообразия онтологических проявлений он использует идею вариации кванторов. Изучив лекции Хайдеггера⁴², он увидел, насколько плюралистична хайдеггеровская концепция разных способов бытия. Естественно, плюрализм – это интерпретация самого МакДэниела, который, видимо, является идейным представителем теории Льюиса. Кроме того, сама теория, которую он «переложил» с Хайдеггера – это еще одна интерпретация проблемы возможных миров. МакДэниел заметил, что у Хайдеггера бытие в форме *Dasein* и в форме *Existenz* отличаются друг от друга и существуют, не пересекаясь друг с другом. Строннику множественности миров это понравилось, и он стал описывать чем так отличается, например, *Dasein* от других форм бытия. На языке аналитической метафизики это можно выразить так, что *Dasein* имеет такие предикаты, которыми не обладают другие формы бытия. Более того, Хайдеггер, с точки зрения МакДэниела, это «континентальный Льюис»: он множит количество разных форм бытия, которые могут существовать сами по себе, но, в отличие от Льюиса, у Хайдеггера эти формы бытия могут пересекаться (overlap). Пересечение может происходить потому, что какие-то важные предикаты в какой-то части «ткани бытия» могут существовать, а в какой-то – нет.

40 Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М., 1994. – §53.

41 McDaniel K. Ways of Being // Metametaphysics. – pp. 290-319.

42 Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. – СПб., 2001.

Так, например, с *Dasein*. Для того, чтобы описать эту ситуацию, он вводит язык логики предикатов, и пытается изложить проблему Бытия в терминах ограниченной и неограниченной квантификации. Таким образом, *Dasein* у него описывается ограниченным квантором, а остальные формы бытия могут описываться неограниченным квантором. Более того, ограниченный квантор он, в отличие Ван Инвагена, ставит на первое место, а неограниченный – на второе. Таким образом, ограниченный квантор у него обозначает предметы, содержащие фундаментальное свойство, а неограниченный – нефундаментальные. Причем областей ограниченной квантификации может быть много (дань POSSIBILITYУ Льюиса).

На этом мы хотели бы остановить наш анализ тенденции реализма в современной аналитической метафизике, с тем, чтобы продолжить его в следующих статьях по платонизму. Современный платонизм, который представляют неотрегеанцы Боб Хэйл и Кристин Райт, наиболее известен именно в философии математики⁴³. Это важная тема, которую хотелось бы обсудить отдельно.

8. Заключение

Итак, мы рассмотрели реализм и номинализм в аналитической философии в отношении абстрактных и несуществующих объектов, возможных миров и универсалий. Как мы увидели в случае со сборником «Метаметафизика», аналитическая философия не является строгой и однонаправленной линией философствования. Метафизика в аналитической философии развивается, и давно вышла за рамки философии языка и куайновских принципов. Движение «назад к Аристотелю», надеемся, перерастет в движение «назад к Платону», и в аналитической метафизике будут выработаны новые методы для работы со сложной платоновской терминологией, а также будут объяснены различные уровни бытия, на которых настаивал Аристотель.

43 Hale B. *Abstract Objects*. – Oxford, 1987. Hale B., Wright C. *The Reason's Proper Study: Essays towards a Neo-Fregean Philosophy of Mathematics*. – Oxford, 2001.